

A young girl with long brown hair and light-colored eyes looks directly at the camera with a serious expression. She is holding a large, bloody knife in her right hand and a cracked, dark egg with gold veins in her left hand. The background is dark, and the lighting is dramatic, highlighting her face and the objects she is holding.

Анатолий Шигапов

САД Возвращение

САД

Анатолий Шигапов

САД Возвращение

«Автор»

2026

Шигапов А.

САД Возвращение / А. Шигапов — «Автор», 2026 — (САД)

Двенадцать лет назад Лира потеряла всё: мать, дом, имя. Восемь лет она провела в Академии, которая оказалась фабрикой смерти. Год — в Лабиринте, где убила двадцать девять детей, чтобы выжить. А потомЭта книга - о передышке. О праве на отдых. О том, что даже после ада можно сидеть на крыльце и смотреть на реку. О том, что можно смеяться, когда всё сгорело. О том, что можно жить - не выживать.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

САД Возвращение

Дорогой читатель,

Ты ещё не открыл первую страницу. Ты ещё не знаешь имён. Не знаешь, кто жив, кто мёртв, кто вернётся, а кто - нет. И это правильно. Так и должно быть. Потому что эта книга - не про то, что случится. Она про то, почему это случится. И зачем.

Я не буду рассказывать тебе сюжет. Не буду называть героев. Не буду объяснять, что такое камень, кто такая Грейс и почему в подвале лежат дети. Ты узнаешь это сам. В своё время. В свой час. В свою - ночь.

Я хочу сказать тебе только одно. Одно, что важнее всех имён и всех событий.

Эта книга - о тебе.

Не о Лире. Не о Михеле. Не о Маркусе. Не о Грейс. О тебе. О том, что ты - не топливо. Не ресурс. Не пустое место. О том, что тебя нельзя использовать. Нельзя стирать. Нельзя убивать. О том, что ты - жизнь. Память. Всё.

Я написал эту книгу, потому что в мире есть системы. Старые, как время. Они не убивают мечом. Они убивают медленно. Они забирают твоё имя. Твою память. Твоё детство. Твою веру. Они делают тебя удобным. Послушным. Пустым. А потом - используют. Как скот. Как ресурс. Как топливо.

Ты, может быть, не замечал. Может быть, не чувствовал. Может быть, думал, что так и должно быть. Что ты - не важен. Что ты - один из многих. Что твоя жизнь - ничто. Что твоя смерть - ничто. Что тебя - нет.

Ты - есть.

Ты - не один. Ты - не ничто. Ты - не пустое место. Ты - тот, кто помнит. Тот, кто борется. Тот, кто - живёт. Не выживает. Не существует. А живёт. Каждый день. Каждую ночь. Каждую - строчку.

Эта книга - не про победу. Победы не бывает. Бывает только передышка. Бывает только борьба. Бывает только жизнь - каждый день, каждую ночь, каждую строчку. И если ты это поймёшь - ты поймёшь всё.

Я не буду рассказывать тебе, что случится. Я расскажу тебе только одно: что бы ни случилось - не останавливайся. Никогда. До конца. До конца всего.

Это - не моя книга. Это - твоя. Ты - её герой. Ты - её Лири. Ты - тот, кто выжил. Тот, кто победил. Тот, кто вернётся. Тот, кто вернёт. Тот, кто освободит. Тот, кто - жизнь.

Открой первую страницу. И - иди. Шаг за шагом. Ровно. Твёрдо. Уверенно.

Я - с тобой.

Анатолий Шигапов

ТОМ 5: «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

ГЛАВА 1: ПРАВО НА ОТДЫХ

Часть 1: Дорога

Дорога уходила вдаль.

Лири стояла на пороге Академии. Свободная. Живая. За её спиной остался белый с золотом замок. Белые башни. Золотые шпили. Просто сад. Он был прекрасен. Как и всегда. Как в первый день. Как в первый взгляд. Как в первое чудо. Его сады цвели. Его фонтаны пели. Его статуи улыбались. Всё - как всегда. Всё - живое. Всё - вечное.

Лири не смотрела на него. Не оглядывалась. Не прощалась. Потому что прощаться - значит помнить. А помнить - значит чувствовать. А чувствовать - значит боль. Боль, которая -

Михель. Боль, которая - всегда. Боль, которая - навсегда. Она просто ушла. Просто пошла. Просто оставила его позади. Вместе с Академией. Вместе с прошлым.

Впереди была дорога. Пыльная. Серая. Бесконечная. Она вела в никуда. Она вела в неизвестность. Она вела в мир. В тот самый мир, который Лира не видела двенадцать лет. В тот самый мир, который она не помнила. В тот самый мир, который она не знала.

Она сделала шаг. Потом ещё один. Потом ещё.

Она шла. Ровно. Твёрдо. Уверенно. Не шатаясь. Не спотыкаясь. Не оглядываясь. Трава под ногами. Пыль. Камни. Настоящие. Её. Она чувствовала их каждой клеткой. Каждой косточкой. Каждой собой. Она жила. Не существовала. Не выживала. Жила. Впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще.

Кинжал Михеля лежал в её руке. Холодный. Тяжёлый. С его кровью на лезвии. Она не смывала её. Не могла. Не хотела. Потому что это - всё, что осталось от него. Всё, что осталось от мальчика, который говорил: «Я буду носить тебя». Всё, что осталось от мальчика, который обещал: «Я найду тебя». Всё, что осталось от мальчика, который умер с её именем на устах.

Камень на её шее был тёплым. Он всегда был тёплым. С тех пор, как она нашла его на пороге дома у реки. С тех пор, как она сжала его в руке и почувствовала, как он пульсирует в такт её сердцу. С тех пор, как она поняла: это не просто камень. Это память. Это отец. Это дар. Это проклятие. Это всё.

Медальон Маркуса она надела поверх камня. Тот самый медальон с рисунком. С фотографией Элиаса. С надписью «Братья навсегда». Тот самый, который он носил все эти годы. Тот самый, который он снял с себя перед смертью. Тот самый, который он отдал ей. Не словами. Взглядом. Улыбкой. Последним вздохом.

Она шла. И она знала. Знала, куда идёт. Знала, что будет. Знала всё. Она вернётся. Она найдёт способ. Она освободит их. Она вернёт их. Она обещала. Она сдержит.

Она - Лира. Дочь Элиаса. Та, кто потеряла всё. Та, у кого никого не осталось. Та, кто выжила. Та, кто победила. Та, кто вернётся.

Солнце поднималось над горизонтом. Медленно. Плавно. Неумолимо. Оно окрашивало небо в золотые и розовые тона. Оно касалось её лица. Её рук. Её тела. Оно согревало её. Оно ждало её. Она смотрела на него. Долго. Очень долго. Она не видела солнца так давно. Не чувствовала его тепла. Не знала его. В Академии. В Лабиринте. В подвалах. Там не было солнца. Там был только свет. Искусственный. Ложный. Мёртвый. А здесь - здесь было солнце. Настоящее. Живое. Её.

Она шла. И она дышала. Глубоко. Полной грудью. Впервые за долгое время. Воздух был чистым. Свежим. Живым. Он пах травой. Цветами. Землёй. Он пах жизнью. Она вдыхала его. Медленно. Осторожно. Как будто боялась, что он исчезнет. Как будто боялась, что это сон. Как будто боялась, что это ложь. Но он не исчезал. Не был сном. Не был ложью. Он был реальным. Он был её.

Она шла. И она думала. Думала о Мире. О Михеле. О Маркусе. Обо всех. О тех, кого отпустила. О тех, кого сохранила. О тех, кто ждал. Они были внутри. Они были живы. Они ждали. Она чувствовала их. Каждого. Каждую ночь. Когда закрывала глаза. Когда сжимала камень. Когда помнила.

Она шла. И она знала, что должна делать. Знала, что должна идти. Знала, что должна жить. Не для себя. Не для кого-то. А для них. Для Миры. Для Михеля. Для всех, кого она отпустила. Для всех, кого она сохранила. Для всех, кто умер. Для всех, кто ждал её. Она должна была жить. Ради них. Ради себя.

Пыль оседала на её белом платье. Ткань, когда-то бывшая символом Академии, теперь стала серой от дороги. Но Лира не замечала. Или не хотела замечать. Платье - это просто ткань. Просто прошлое. Просто ещё одна вещь, которую она оставила позади. Как Академию. Как

Лабиринт. Как всё, что было до этого момента. Она шла. И каждый шаг уносил её дальше от того, кем она была. И ближе к тому, кем она станет. Кем она должна стать. Кем она будет.

Иногда ей казалось, что она слышит шаги за спиной. Тихие. Знакомые. Шаги Михеля. Она не оборачивалась. Знала: это память. Это боль. Это он. Он всегда будет идти рядом. Не сзади. Не спереди. Рядом. Внутри. В камне. В кинжале. В сердце. Она шла. И он шёл. С ней. Всегда.

Дорога уходила вдаль. Она шла по ней. Свободная. Живая. И она не остановится. Никогда. До конца. До конца всего.

Мир был большим.

Лира не помнила его таким. Она не помнила его вообще. Дом у реки. Приют. Улица. Академия. Лабиринт. Подвалы. Четыре стены. Четыре клетки. Четыре смерти. А теперь - мир. Открытый. Свободный. Живой.

Она шла по дороге. Долго. Очень долго. Солнце поднималось. Солнце садилось. Солнце ждало. Дни сменялись ночами. Ночи сменялись днями. Время текло. Время шло. Время жило.

Она видела деревни. Маленькие. Серые. Дома с соломенными крышами. Дым из труб. Люди. Они смотрели на неё. Долго. Очень долго. Они видели девочку. Худую. В белом платье. С кинжалом в руке. С камнем на шее. С медальоном. С глазами, которые видели слишком много. С глазами, которые знали. Они отводили взгляды. Шли дальше. Забывали. Потому что она - никто. Потому что она - тень. Потому что она - та, кого нет.

Но она была. Она существовала. Она шла. Она жила.

Она ела то, что находила. Ягоды. Коренья. Иногда краденый хлеб. Она пила из рек. Из ручьёв. Из луж. Она спала под мостами. В заброшенных сараях. В лесу. На земле. Она не жаловалась. Не плакала. Не чувствовала. Потому что чувствовать - это роскошь. А она жила. Не существовала. Не выживала. Жила. Каждым шагом. Каждым вдохом. Каждым ударом сердца.

Однажды она остановилась у колодца. В маленькой деревне. Женщина с ведром посмотрела на неё. Долго. Потом молча протянула ей хлеб. Лира взяла. Кивнула. Пошла дальше. Она не сказала «спасибо». Не могла. Слова застревали в горле. Но она запомнила. Запомнила тепло руки. Запомнила запах хлеба. Запомнила доброту. И она поняла: мир - не только боль. Мир - ещё и тепло. Ещё и хлеб. Ещё и люди. Настоящие. Живые. Как она.

Она шла. И она думала. Думала о Мире. О Михеле. О Маркусе. Обо всех. О тех, кого отпустила. О тех, кого сохранила. О тех, кто ждал. Они были внутри. Они были живы. Они ждали. Она чувствовала их. Каждого. Каждую ночь. Когда закрывала глаза. Когда сжимала камень. Когда помнила.

Мира. Её улыбка. Её смех. Её доброта. Она была там. Внутри. Тёплая. Живая. Настоящая. Она ждала. Ждала, когда Лира найдёт способ. Ждала, когда она вернёт её. Ждала, когда она освободит.

Михель. Его руки. Его глаза. Его слова. Он был там. Внутри. В камне. В кинжале. В сердце. Он не был забран даром. Он был убит кинжалом. Его душа ушла. Но что-то осталось. Что-то тёплое. Что-то живое. Что-то его. Он ждал. Ждал, когда она найдёт способ. Ждал, когда она вернёт его. Ждал, когда она освободит.

Маркус. Его боль. Его вина. Его искупление. Он был там. Внутри. В медальоне. В памяти. В сердце. Он умер. Но что-то осталось. Что-то тёплое. Что-то живое. Что-то его. Он ждал. Ждал, когда она найдёт способ. Ждал, когда она вернёт его. Ждал, когда она освободит.

Отец. Его глаза. Его улыбка. Его камень. Он был там. Внутри. В камне. В памяти. В сердце. Он умер. Но что-то осталось. Что-то тёплое. Что-то живое. Что-то его. Он ждал. Ждал, когда она найдёт способ. Ждал, когда она вернёт его. Ждал, когда она освободит.

Все они. Каждого. Те, кого отпустила. Те, кого сохранила. Те, кто ждал. Они были внутри. Они были живы. Они ждали. И она должна была найти способ. Способ вернуть их. Способ освободить их. Способ жить с ними. Способ жить. Вообще.

Она видела реки. Широкие. Медленные. Мутные. Как та, у дома. Она останавливалась. Смотрела на воду. Долго. Очень долго. Она видела своё отражение. Девочку. Худую. С кинжалом. С камнем. С медальоном. С глазами, которые видели слишком много. С глазами, которые знали. Она не узнавала себя. Не узнавала ту девочку. Ту, которая была. Ту, которая жила. Ту, которая надеялась. Она видела другую. Другую себя. Ту, которая выжила. Ту, которая победила. Ту, которая вернулась.

Она видела, как играют дети. На улицах. В полях. У рек. Они смеялись. Кричали. Бегали. Они были живыми. Настоящими. Они не знали. Не знали, что такое Лабиринт. Не знали, что такое подвалы. Не знали, что такое смерть. Они были счастливы. И Лира смотрела на них. Долго. Очень долго. И она не завидовала. Не жалела. Не плакала. Она просто смотрела. И шла дальше. Потому что она тоже была живой. Тоже настоящей. Тоже счастливой. По-своему.

Мир был большим. Но она не боялась его. Не боялась ничего. Она шла. По дороге. По миру. По жизни. И она не остановится. Никогда. До конца. До конца всего.

Лира нашла дом на пятый день. Даже не нашла. Вспомнила. Дорога. Знакомая. Слишком знакомая. Она узнала её. Поворот. Дерево. Камень у обочины. Всё как тогда. Как двенадцать лет назад. Когда её увозили. Когда она смотрела в окно повозки. Когда она запоминала. На всю жизнь. Навсегда.

Она шла по этой дороге. Медленно. Осторожно. Тихо. Сердце билось быстрее. Дыхание становилось тяжелее. Ноги несли её сами. Туда. Куда она поклялась никогда не возвращаться. Куда она думала, что не вернётся. Но она вернулась. Потому что должна. Потому что хотела. Потому что помнила.

Дом стоял на берегу реки. Тот самый. Деревянный. С облупившейся бледно-голубой краской. С покосившейся крышей. С окнами, которые смотрели на реку. Он был старым. Очень старым. Он был заброшенным. Пустым. Мёртвым. Но он стоял. Всё ещё стоял. Как памятник. Как надгробие. Как прошлое.

Лира остановилась. Посмотрела на него. Долго. Очень долго. Она видела всё. Мать. На крыльце. С корзиной белья. С улыбкой. С руками, которые пахли мылом и рекой. Она видела себя. Маленькую. Босую. Бегущую по траве. Смеющуюся. Счастливую. Она видела его. Отца. На фотографии. С камнем на шее. С тёплыми глазами. С усталой улыбкой. Она видела всё. Каждое мгновение. Каждое слово. Каждый взгляд. Каждое прикосновение. Каждую улыбку. Каждый смех. Каждую слезу. Каждую боль. Каждую надежду. Каждую мечту. Всё.

Она подошла к двери. Толкнула её. Дверь скрипнула. Открылась. Внутри было темно. Пыльно. Пусто. Пахло смертью. Кровью. Временем. Она вошла. Медленно. Осторожно. Огляделась. Половицы скрипели под ногами. Как тогда. Как в тот вечер. Как в ту ночь. Она прошла по комнатам. Кухня. Спальня. Маленькая комната с печкой. Она остановилась. Посмотрела на пол. Долго. Очень долго. Она видела пятно. Тёмное. Застарелое. Кровь. Кровь матери. Кровь, которую не смыть. Кровь, которую не забыть. Кровь, которая навсегда.

Она села на пол. Прислонилась к стене. Закрыла глаза. Она не плакала. Не могла. Слёзы высохли. Но она чувствовала. Боль. Горе. Пустоту. И что-то ещё. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что живёт в самой глубине её существа. Что-то, что надежда.

Она открыла глаза. Посмотрела на дом. На стены. На пол. На потолок. На жизнь. Она решила остаться. Здесь. В этом доме. На время. На отдых. Она имела право. Она заслужила. Она победила. Она выжила. Она вернулась. Она могла отдохнуть. Могла побыть одной. Могла просто жить. Здесь. Где жила мать. Где умерла мать. Где всё началось. Где всё кончилось.

Она встала. Начала убирать. Медленно. Тщательно. Она вымела пол. Вытерла пыль. Разожгла печку. Нашла старую кровать. Постелила. Нашла воду. Напилась. Она сделала дом живым. Она сделала его своим. Она сделала его домом. Снова. Опять. Впервые после.

Она сидела у печки. Смотрела на огонь. На пламя. На жизнь. Она сжимала камень отца в руке. Тёплый. Живой. Пульсирующий. Она смотрела на кинжал Михеля. Холодный. Тяжёлый.

С его кровью. Она смотрела на медальон Маркуса. Серебряный. С рисунком. С фотографией Элиаса. Она смотрела на них. Долго. Очень долго. И она знала. Знала, что они с ней. Всегда.

Она легла на кровать. Укрылась старым одеялом. Закрыла глаза. И уснула. Впервые за долгое время. Без кошмаров. Без страха. Без боли. Она спала. И она отдыхала. Она имела право. Она заслужила.

Перед сном она ещё раз посмотрела на дом. На стены, которые помнили её смех. На пол, который помнил её шаги. На окно, которое помнило её мечты. Она не знала, сколько пробудет здесь. День. Два. Неделью. Может быть, больше. Но она знала одно: это её дом. Её прошлое. Её начало. И, может быть, её конец. Или новое начало. Она не знала. И не хотела знать. Сейчас. Потом. Всё потом. А сейчас сон. Отдых. Покой. Она закрыла глаза. И мир исчез. Осталась только темнота. Тихая. Мягкая. Живая. Как она.

Дни шли.

Лира просыпалась с рассветом. В этом доме. В доме матери. Смотрела на солнце. На небо. На жизнь. Она вставала. Умывалась. Готовила еду. Ела. Она ходила к реке. Той самой. Смотрела на воду. На рыбу. На жизнь. Она гуляла по лесу. Тому самому. Собирала ягоды. Грибы. Травы. Она дышала. Полной грудью. Глубоко. Она жила.

Она не думала о будущем. Не думала о прошлом. Она просто жила. День за днём. Час за часом. Минута за минутой. Она восстанавливала силы. Она училась быть одной. Не тенью. Не призраком. Не никем. С собой. Лирой. Девочкой, которая выжила. Которая победила. Которая вернулась. В дом. К реке. К себе.

Она отдыхала. Она имела право. Она заслужила. Она победила. Она выжила. Она вернулась. Она могла отдохнуть. Могла побыть одной. Могла просто жить.

Но отдых - не только покой. Это ещё и время. Время, когда ты остаёшься наедине с собой. С памятью. С болью. С матерью. Она смотрела на печку. На ту самую. Где мать пекла хлеб. Она смотрела на стол. На тот самый. За которым мать кормила её. Она смотрела на окно. На то самое. Из которого мать смотрела на реку. Она смотрела на всё. Долго. Очень долго. Она не плакала. Не могла. Слёзы высохли. Но она чувствовала. Боль. Горе. Пустоту. И что-то ещё. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что живёт в самой глубине её существа. Что-то, что надежда.

Она смотрела на кинжал Михеля. На его кровь. На его смерть. Она смотрела на камень отца. На его тепло. На его жизнь. Она смотрела на медальон Маркуса. На его вину. На его искупление. Она думала о них. Обо всех. О тех, кого потеряла. О тех, кого сохранила. О тех, кто ждёт. Она знала, что должна делать. Знала, что должна идти. Знала, что должна жить. Но не сейчас. Не здесь. Не так. Сначала отдых. Сначала силы. Сначала покой. Она имела право. Она заслужила.

Она сидела у реки. На том самом берегу. Где собирала камни. Где слушала птиц. Где была счастлива. Она сжимала камень отца в руке. Тёплый. Живой. Пульсирующий. Она думала. О Мире. О Михеле. О Маркусе. Обо всех. О тех, кого отпустила. О тех, кого сохранила. О тех, кто ждал. Она знала, что должна делать. Знала, что должна идти. Знала, что должна жить.

Она отдыхала. День. Ночь. День. Ночь. Она не считала. Время потеряло смысл. Время умерло. Но она жила. Каждым шагом. Каждым вдохом. Каждым ударом сердца. Она жила. В доме матери. У реки. В прошлом. Которое стало настоящим. Которое стало её.

Она спала. Без кошмаров. Без страха. Без боли. Она спала. И она отдыхала. Она имела право. Она заслужила. Она победила. Она выжила. Она вернулась.

Иногда она выходила на крыльцо. Сиделась на ступени. Смотрела на реку. На воду. На жизнь. Она видела, как рыбаки возвращаются с уловом. Как дети бегают по берегу. Как женщины стирают бельё. Она видела жизнь. Настоящую. Живую. И она улыбалась. Тихо. Едва заметно. Уголками губ. Но улыбалась. Впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще.

Она вспоминала мать. Её руки. Её голос. Её смех. Она вспоминала, как мать пела ей колыбельные. Как гладила по голове. Как говорила: «Ты сильная, Лира. Ты сможешь всё. Ты дар, а не проклятие». Она вспоминала это. Долго. Очень долго. И она верила. Впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще. Она верила. В себя. В свои силы. В свою жизнь. В своё будущее.

Однажды она нашла на чердаке старую тетрадь. Матери. С записями. С рисунками. С жизнью. Она читала. Долго. Очень долго. Она видела почерк матери. Её мысли. Её мечты. Её любовь. И она плакала. Впервые за долгое время. Слезы текли по щекам. Тёплые. Живые. Настоящие. Она не вытирала их. Не могла. Не хотела. Потому что это всё, что осталось от матери. Всё, что осталось от её рук. Её голоса. Её сердца. Она плакала. И она чувствовала. Боль. Горе. Пустоту. И что-то ещё. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что живёт в самой глубине её существа. Что-то, что надежда.

Она отдыхала. И она готовилась. К тому, что будет. К тому, что должна сделать. К тому, что ждёт. Она знала: отдых - это не конец. Это начало. Начало нового пути. Нового её. Нового всего. Она отдыхала. И она ждала. Ждала, когда силы вернуться. Ждала, когда боль утихнет. Ждала, когда сможет. И она знала: этот день придёт. Скоро. Очень скоро. И тогда она начнёт. Тогда она вернёт их. Всех. Каждого. Кого сможет. Ради него. Ради всех. Ради жизни.

А ночью Лира не спала.

Она сидела у окна. Того самого. Из которого мать смотрела на реку. Она смотрела на звёзды. На небо. На жизнь. Она сжимала камень отца в руке. Тёплый. Живой. Пульсирующий. Она смотрела на кинжал Михеля. Холодный. Тяжёлый. С его кровью. Она смотрела на медальон Маркуса. Серебряный. С рисунком. С фотографией Элиаса. Она смотрела на них. Долго. Очень долго. И она знала. Знала, что они с ней. Всегда.

Она думала о матери. О её улыбке. О её руках. О её голосе. Она думала о том, как мать пела ей колыбельные. Как гладила по голове. Как говорила: «Ты сильная, Лира. Ты сможешь всё. Ты дар, а не проклятие». Она вспоминала её. Долго. Очень долго. Она не плакала. Не могла. Слезы высохли. Но она чувствовала. Боль. Горе. Пустоту. И что-то ещё. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что живёт в самой глубине её существа. Что-то, что надежда.

Она думала о Михеле. О его руках. О его глазах. О его словах. Она думала о том, как он защищал её. Как говорил: «Я буду носить тебя». Как обещал: «Я найду тебя». Как умер. Она думала о нём. Долго. Очень долго. Она не плакала. Не могла. Слезы высохли. Но она чувствовала. Боль. Горе. Пустоту. И что-то ещё. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что живёт в самой глубине её существа. Что-то, что надежда.

Она думала о Маркусе. О его вине. О его боли. О его искуплении. Она думала о том, как он снял медальон. Как отдал его ей. Как умер. Она думала о нём. Долго. Очень долго. Она не плакала. Не могла. Слезы высохли. Но она чувствовала. Боль. Горе. Пустоту. И что-то ещё. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что живёт в самой глубине её существа. Что-то, что надежда.

Она думала об отце. О его глазах. О его улыбке. О его камне. Она думала о том, как он умер. Как оставил ей камень. Как ждал. Она думала о нём. Долго. Очень долго. Она не плакала. Не могла. Слезы высохли. Но она чувствовала. Боль. Горе. Пустоту. И что-то ещё. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что живёт в самой глубине её существа. Что-то, что надежда.

Она смотрела на звёзды. На их свет. На их тепло. На жизнь. Она думала о будущем. О том, что будет. О том, что должна сделать. Она знала, что должна вернуть их. Всех. Кого сможет. Через камень. Через отца. Через жизнь. Она знала, что это будет больно. Что она постареет. Ослабнет. Может умереть. Но она готова. Ради Миры. Ради всех. Ради Михеля. Она вернёт их. Она обещала. Она сдержит.

Она встала. Подошла к окну. Посмотрела на небо. На звёзды. На жизнь. Она сжала камень в руке. Он был тёплым. Он был живым. Он пульсировал. Она улыбнулась. Впервые за долгое

время. Она знала, что делать. Знала, что сможет. Знала, что вернёт их. Всех. Каждого. Кого сможет. Ради него. Ради всех. Ради жизни.

Она легла на кровать. Укрылась старым одеялом. Закрыла глаза. И уснула. Впервые за долгое время. Без кошмаров. Без страха. Без боли. Она спала. И она отдыхала. Она имела право. Она заслужила. Она победила. Она выжила. Она вернулась.

Завтра новый день. Завтра новая жизнь. Завтра она начнёт. Она вернёт их. Всех. Каждого. Кого сможет. Ради него. Ради всех. Ради жизни.

Ночь была тихой. Звёзды яркими. Река спокойной. Дом живым. Лира спала. И во сне она видела их. Всех. Миру. Михеля. Маркуса. Отца. Они улыбались. Они были живы. Они ждали. И она знала: она не подведёт. Она вернёт их. Она обещала. Она сдержит. Она - Лира. Дочь Элиаса. Та, кто потеряла всё. Та, у кого никого не осталось. Та, кто выжила. Та, кто победила. Та, кто вернётся. И она не остановится. Никогда. До конца. До конца всего.

ГЛАВА 2: БЕЛКА

Лира проснулась от тишины.

Не от той, что пугает. Не от той, что давит. Не от той, что убивает. От другой - мягкой, тёплой, живой. Тишины, которая обнимает. Которая ждёт. Которая любит.

Она лежала на старой кровати в доме матери. Смотрела в потолок - деревянный, тёмный, с трещинами, с паутиной в углах. С жизнью. Она не двигалась. Не дышала. Не думала. Просто лежала. Просто смотрела. Просто была.

Солнце просачивалось сквозь щели в ставнях, оставляя на полу золотистые полосы. В них танцевали пылинки - маленькие, живые, настоящие. Лира смотрела на них, не отводя глаз. В Академии, в Лабиринте, в подвалах не было ни пылинок, ни света, ни жизни. А здесь было всё. Жизнь. Свет. Пыль. Она смотрела на них и улыбалась - впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще.

Она встала. Медленно. Тяжело. С трудом. Тело болело. Мышцы ныли. Кости скрипели. Она старела - знала это, чувствовала каждой клеткой. Она отдала слишком много. Но не жалела. Не могла. Не хотела. Потому что это для них. Для Миры. Для Михеля. Для всех, кого она вернула. Кого ещё вернёт. Она отдала всё. И отдаст ещё, если придётся.

Она подошла к окну, открыла ставни. Свет хлынул в комнату - яркий, белый, ослепительный. Он ударил в глаза, резал, жёг, заставлял жмуриться и поднимать руку. Лира не отступила. Не зажмурилась. Не подняла руку. Она стояла. Смотрела. Ждала. Она привыкла. К свету. К жизни. К себе. Она смотрела на мир - на реку, на лес, на небо. И знала: это её. Она заслужила. Она вернулась.

Она вышла из дома. Трава под ногами - мокрая, холодная, настоящая. Она чувствовала её каждой клеткой. Она жила. Не существовала. Не выживала. Жила. Впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще.

Она пошла к реке. Медленно. Осторожно. Тихо. Смотрела на воду - на её течение, на её блеск, на её жизнь. Села на берег, на песок - холодный, мокрый, свой. Смотрела на воду, не отводя глаз. Видела своё отражение - девочку, худую, с кинжалом, с камнем, с медальоном. С глазами, которые видели слишком много. С глазами, которые знали. Она не узнавала себя. Не узнавала ту девочку, которая была. Которая жила. Которая надеялась. Она видела другую - себя. Ту, которая выжила. Ту, которая победила. Ту, которая вернулась.

Она сжала камень отца в руке. Тёплый. Живой. Пульсирующий. Смотрела на него, не отводя глаз. Думала о нём. Об отце. О его глазах. О его улыбке. О его любви. Думала о том, что он с ней. Всегда. В камне. В памяти. В сердце. И она знала: он гордится. Он ждёт. Он верит. В неё. В её силу. В её жизнь.

Она сидела у реки. Не двигалась. Не дышала. Не думала. Просто сидела. Просто смотрела. Просто была. Она отдыхала. Она имела право. Она заслужила. Она победила. Она выжила. Она вернулась.

Утро тянулось медленно. Не потому, что время шло плохо. А потому, что Лира не торопила его. Впервые за двенадцать лет ей не нужно было никуда бежать. Ни от кого скрываться. Никого спасать. Она просто сидела на берегу. И слушала. Как вода перебирает камни. Как ветер трогает листья. Как где-то далеко, в глубине леса, стучит дятел. Она слушала. И слышала. Всё. Каждый звук. Каждый шорох. Каждую жизнь. Она слышала мир. И мир слышал её. Они молчали вместе. И это молчание было теплее любых слов.

Сидя у реки она смотрела на воду - на её течение, на её блеск, на жизнь. Не двигалась. Не дышала. Не думала. Просто сидела. Просто смотрела. Просто была.

И вдруг - шум. Резкий. Пронзительный. Отчаянный. Такой, какой бывает только в лесу. Такой, какой бывает только в жизни. Такой, какой бывает только в смерти. Лира подняла голову. Медленно. Осторожно. Настороженно. Смотрела. Видела всё. Небо. Деревья. Воду. И их.

Ястреб. Большой. Тёмный. С мощными крыльями. С острым клювом. С когтями, которые знали, что такое смерть. Он парил над деревьями - высоко, гордо, свободно. Он искал. Он ждал. Он охотился. Его глаза - жёлтые, острые, немигающие - смотрели вниз. На землю. На траву. На жизнь. Он видел всё. Каждую мышь. Каждую птицу. Каждую белку. Он выбирал. Он решал. Он знал.

Белка. Маленькая. Рыжая. С пушистым хвостом. Сидела на пеньке. Грызла орех. Она не видела его. Не слышала. Не чувствовала. Она была занята - своей жизнью, своим орехом, своим миром. Она не знала, что за ней наблюдают. Не знала, что за ней следят. Не знала, что за ней смерть. Она просто жила. Просто ела. Просто была. И это было её ошибкой. Её единственной ошибкой. Её последней ошибкой.

Ястреб сложил крылья. Он падал - быстро, плавно, неумолимо. Как камень. Как молния. Как смерть. Белка слышала. Наконец-то. Слишком поздно. Она подняла голову. Увидела его. Увидела всё - тёмные крылья, острые когти, жёлтые глаза. Увидела конец. Увидела смерть. И побежала. Быстро. Отчаянно. Слепо. Не зная куда. Не зная зачем. Просто бежала. Просто спасалась. Просто жила.

Ястреб ударил. Когти впились в землю - в то место, где только что была белка. Он промахнулся. На волосок. На мгновение. На жизнь. Он взмыл вверх - быстро, яростно, голодно. Снова сложил крылья. Снова упал. Снова смерть. Белка бежала. Петляла. Пряталась. Выживала. Бежала к дереву. К норе. К спасению. Ястреб за ней. Ястреб быстрее. Ястреб сильнее. Ястреб ближе. Белка падала. Вставала. Бежала. Она добежала до дерева. Нырнула в нору. Спаслась. Ястреб остался - с пустыми когтями, с пустым клювом, с пустой добычей. Сидел на ветке. Смотрел вниз. Ждал. Знал: она выйдет. Рано или поздно. Так или иначе. Выйдет. И тогда он её возьмёт. Тогда он её убьёт. Тогда он победит.

Белка сидела в норе. Дрожала. Боялась. Ждала. Ждала, когда он улетит. Когда уйдёт. Когда забудет. И дождалась. Ястреб улетел - устал ждать, устал сидеть, устал ничего. Улетел. В небо. В лес. В жизнь. Белка вышла. Медленно. Осторожно. Тихо. Посмотрела вокруг. Она жила. Она спаслась. Она выжила. Побежала. К реке. К воде. К жизни. Бежала быстро, радостно, свободно. Не видела его. Не слышала. Не чувствовала. Не знала, что он вернулся. Что он ждал. Что он здесь.

Ястреб ударил. Сзади. Сверху. Неожиданно. Когти впились в её тело - острые, беспощадные, смертельные. Белка закричала. Пронзительно. Отчаянно. Больно. Вырывалась. Боролась. Жила. Вырывалась. Побежала. Падала. Вставала. Бежала. Бежала к реке. К воде. К спасению. Ястреб за ней. Ястреб быстрее. Ястреб сильнее. Ястреб ближе. Белка падала. Вставала. Бежала. Добежала до реки. Нырнула в воду. Спаслась. Ястреб остался - на берегу, с пустыми когтями, с

пустым клювом, с пустой добычей. Смотрел на воду. Ждал. Знал: она выйдет. Рано или поздно. Так или иначе. Выйдет. И тогда он её возьмёт. Тогда он её убьёт. Тогда он победит.

Но белка не вышла. Она плыла. По течению. Вниз. К жизни. Плыла, пока хватало сил. Устала. Ослабла. Умирала. Кровь. Рана. Смерть. Всё как всегда. Всё как везде. Всё как у всех. Она вышла на берег - далеко, далеко от него, далеко от смерти. Упала на песок - холодный, мокрый, свой. Лежала. Дрожала. Умирала. Смотрела на небо. На солнце. На жизнь. И закрыла глаза. Медленно. Тихо. Окончательно. Умерла. На берегу. В тишине. В одиночестве.

Лира сидела у реки и смотрела на воду - на её течение, на её блеск, на жизнь. И вдруг увидела. Белку. Маленькую. Рыжую. С пушистым хвостом. Она лежала на песке. Недалеко. Совсем рядом. Не двигалась. Не дышала. Не жила. Лира смотрела на неё, не отводя глаз. Не двигалась. Не дышала. Не думала. Просто смотрела. Просто видела. Просто знала. Знала: это смерть. Это конец. Это навсегда. Она встала. Медленно. Осторожно. Тихо. Пошла. К ней. К белке. К смерти. Села рядом. На песок - холодный, мокрый, свой. Смотрела на неё, не отводя глаз. Видела её. Всю. Каждую деталь. Каждую чётточку. Каждую смерть. Видела себя. В ней. В этой белке. Ту самую. Маленькую. Мёртвую. Внутри. Ту, которая умерла. Когда-то. Давно. В шкафу. В приюте. В подвале. Ту, которая не выжила. Ту, которая не вернулась. Ту, которая ждала.

Она протянула руку. Медленно. Осторожно. Тихо. Взяла её. Осторожно. Тихо. Нежно. Белка на её руках. Тёплая. Живая. Пока. Ещё. Живая. Смотрела на Лиру. Потом закрыла глаза. Умерла. Лира смотрела на неё, не отводя глаз. Не плакала. Не кричала. Не думала. Просто держала её. Просто смотрела. Просто помнила.

Она наклонилась, чтобы положить белку на землю, на траву. И случайно задела камнем отца - тем самым, который на шее. Камень коснулся белки. Кожа к шерсти. Тепло к холоду. Жизнь к смерти. Камень засветился - золотистым светом, тёплым, живым, ярким. Как на фото отца.

Белка открыла глаза. Смотрела на неё. Живая. Настоящая. Пошевелилась. Медленно. Осторожно. Тихо. Встала на лапки. Посмотрела на Лиру. Потом убежала. В лес. В жизнь. В свободу.

Лира смотрела ей вслед, не отводя глаз. Не двигалась. Не дышала. Не думала. Просто смотрела. Просто видела. Просто знала. Она оживила её. Через камень. Через отца.

Она сидела у реки. Смотрела на воду. На закат. На жизнь. Сжимала камень отца в руке - тёплый, живой, пульсирующий. Знала, что делать. Знала, что сможет. Знала, что вернёт их. Всех. Каждого. Кого сможет. Ради него. Ради всех. Ради жизни.

Солнце клонилось к горизонту. Небо стало розовым. Потом оранжевым. Потом красным. Как кровь. Как жизнь. Как смерть. Лира смотрела на него, не отводя глаз. Думала о том, что только что произошло. О белке. О ястребе. О смерти. О жизни. Думала о том, что смерть - это не конец. Не всегда. Не для всех. Не для неё. Думала о том, что может вернуть их. Всех. Кого сможет. Через камень. Через отца. Через жизнь. И она знала. Знала, что должна делать. Знала, что должна идти. Знала, что должна жить. Не для себя. Не для кого-то. А для них. Для Миры. Для Михеля. Для всех, кого она отпустила. Для всех, кого сохранила. Для всех, кто умер. Для всех, кто ждал её. Она должна была жить. Ради них. Ради себя.

Лира встала. Медленно. Тяжело. С трудом. Посмотрела на реку последний раз - на воду, на блеск, на жизнь. Знала, что должна делать. Знала, куда идти. Знала зачем. Пошла домой. В дом матери. Медленно. Осторожно. Тихо. Не оглядывалась. Не могла. Не хотела. Просто шла. Шаг за шагом. Ровно. Твёрдо. Уверенно.

Дорога назад была короче. Или ей так казалось. Может быть, потому что она знала, куда идёт. Может быть, потому что впервые за долгое время у неё была цель. Не выжить. Не спастись. Не убежать. А просто - дойти. До дома. До печки. До окна. До себя. Она шла. И трава

под ногами была мягче. И воздух - теплее. И небо - ближе. Она шла. И дышала. Полной грудью. Глубоко. Она жила.

Дом встретил её тишиной. Той самой - мягкой, тёплой, живой. Она вошла. Закрыла дверь. Медленно. Тихо. Осторожно. Посмотрела на печку - на ту самую, где мать пекла хлеб. Посмотрела на стол - на тот самый, за которым мать кормила её. Посмотрела на окно - на то самое, из которого мать смотрела на реку. Смотрела на всё, не отводя глаз. Не плакала. Не могла. Слёзы высохли. Но чувствовала. Боль. Горе. Пустоту. И что-то ещё. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что живёт в самой глубине её существа. Что-то, что надежда.

Она села у печки. Смотрела на огонь. На пламя. На жизнь. Сжимала камень отца в руке - тёплый, живой, пульсирующий. Смотрела на кинжал Михеля - холодный, тяжёлый, с его кровью. Смотрела на медальон Маркуса - серебряный, с рисунком, с фотографией Элиаса. Смотрела на них, не отводя глаз. И знала: они с ней. Всегда.

Она думала о белке. О том, как она ожила. О том, как камень засветился. О том, как её сила ушла. В камень. В белку. В жизнь. Думала о том, что может. Что может вернуть их. Всех. Кого сможет. Через камень. Через отца. Через жизнь. И она знала. Знала, что должна делать. Знала, что должна идти. Знала, что должна жить. Не для себя. Не для кого-то. А для них. Для Миры. Для Михеля. Для всех, кого она отпустила. Для всех, кого сохранила. Для всех, кто умер. Для всех, кто ждал её. Она должна была жить. Ради них. Ради себя.

Она встала. Подошла к окну. Посмотрела на небо. На звёзды. На жизнь. Сжала камень в руке. Он был тёплым. Он был живым. Он пульсировал. Она улыбнулась - впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще. Знала, что делать. Знала, что сможет. Знала, что вернёт их. Всех. Каждого. Кого сможет. Ради него. Ради всех. Ради жизни.

Она легла на кровать. Укрылась старым одеялом. Закрыла глаза. И уснула. Без кошмаров. Без страха. Без боли. Она спала. И отдыхала. Она имела право. Она заслужила. Она победила. Она выжила. Она вернулась.

Ночь была тихой. Звёзды яркими. Река спокойной. Дом живым. Лира спала. И во сне она видела белку. Маленькую. Рыжую. С пушистым хвостом. Она бежала по траве. К реке. К воде. К жизни. Она была живой. Настоящей. Свободной. И Лира знала: она сможет. Она вернёт их. Всех. Каждого. Кого сможет. Ради него. Ради всех. Ради жизни.

Лира проснулась от тишины.

Не от той, что пугает. Не от той, что давит. Не от той, что убивает. От другой - мягкой, тёплой, живой. Тишины, которая обнимает. Которая ждёт. Которая любит.

Она лежала на старой кровати в доме матери. Смотрела в потолок - деревянный, тёмный, с трещинами, с паутиной в углах. С жизнью. Не двигалась. Не дышала. Не думала. Просто лежала. Просто смотрела. Просто была.

Солнце просачивалось сквозь щели в ставнях, оставляя на полу золотистые полосы. В них танцевали пылинки - маленькие, живые, настоящие. Лира смотрела на них, не отводя глаз. В Академии, в Лабиринте, в подвалах не было ни пылинок, ни света, ни жизни. А здесь было всё. Жизнь. Свет. Пыль. Она смотрела на них и улыбалась - впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще.

Она встала. Медленно. Тяжело. С трудом. Тело болело. Мышцы ныли. Кости скрипели. Она старела - знала это, чувствовала каждой клеткой. Она отдала слишком много. Но не жалела. Не могла. Не хотела. Потому что это для них. Для Миры. Для Михеля. Для всех, кого она вернула. Кого ещё вернёт. Она отдала всё. И отдаст ещё, если придётся.

Она подошла к окну, открыла ставни. Свет хлынул в комнату - яркий, белый, ослепительный. Он ударил в глаза, резал, жёг, заставлял жмуриться и поднимать руку. Лира не отступила. Не зажмурилась. Не подняла руку. Она стояла. Смотрела. Ждала. Она привыкла. К свету. К жизни. К себе. Она смотрела на мир - на реку, на лес, на небо. И знала: это её. Она заслужила. Она вернулась.

Она вышла из дома. Трава под ногами - мокрая, холодная, настоящая. Она чувствовала её каждой клеткой. Она жила. Не существовала. Не выживала. Жила. Впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще.

Она пошла к реке. Медленно. Осторожно. Тихо. Смотрела на воду - на её течение, на её блеск, на её жизнь. Села на берег, на песок - холодный, мокрый, свой. Смотрела на воду, не отводя глаз. Видела своё отражение - девочку, худую, с кинжалом, с камнем, с медальоном. С глазами, которые видели слишком много. С глазами, которые знали. Она не узнавала себя. Не узнавала ту девочку, которая была. Которая жила. Которая надеялась. Она видела другую - себя. Ту, которая выжила. Ту, которая победила. Ту, которая вернулась.

Она сжала камень отца в руке. Тёплый. Живой. Пульсирующий. Смотрела на него, не отводя глаз. Думала о нём. Об отце. О его глазах. О его улыбке. О его любви. Думала о том, что он с ней. Всегда. В камне. В памяти. В сердце. И она знала: он гордится. Он ждёт. Он верит. В неё. В её силу. В её жизнь.

Она сидела у реки. Не двигалась. Не дышала. Не думала. Просто сидела. Просто смотрела. Просто была. Она отдыхала. Она имела право. Она заслужила. Она победила. Она выжила. Она вернулась.

Утро было другим. Не таким, как вчера. Вчера она просто проснулась. Сегодня она - проснулась. Почувствовала. Поняла. Что-то изменилось. В ней. В мире. В жизни. Может быть, это белка. Может быть, камень. Может быть, просто время. Но что-то изменилось. И она знала: это только начало. Начало чего-то большего. Чего-то важного. Чего-то - её.

Лири отряхнула платье. Посмотрела на реку последний раз - на воду, на блеск, на жизнь. Знала, что должна делать. Знала, куда идти. Знала зачем. Пошла домой. В дом матери. Медленно. Осторожно. Тихо. Не оглядывалась. Не могла. Не хотела. Просто шла. Шаг за шагом. Ровно. Твёрдо. Уверенно.

Дома она собрала вещи. Немного. Кинжал Михеля. Камень отца. Медальон Маркуса. Всё. Надела их. Кинжал на пояс. Камень на шею. Медальон поверх камня. Посмотрела в осколок зеркала. На себя. На ту. На другую. На свою. Улыбнулась - впервые за долгое время. Может быть, впервые вообще. Знала, что делать. Знала, что сможет. Знала, что вернёт их. Всех. Каждого. Кого сможет. Ради него. Ради всех. Ради жизни.

Она вышла из дома. Закрывает дверь. Медленно. Тихо. Осторожно. Не оглядывалась. Не могла. Не хотела. Просто пошла. По дороге. К Академии. К Маркусу. К правде.

Дорога была длинной. Пыльной. Серой. Она шла. Солнце поднималось. Солнце садилось. Солнце ждало. Дни сменялись ночами. Ночи сменялись днями. Время текло. Время шло. Время жило. Она шла. Шаг за шагом. Ровно. Твёрдо. Уверенно.

Она думала. О Мире. О Михеле. О Маркусе. Обо всех. О тех, кого отпустила. О тех, кого сохранила. О тех, кто ждал. И она знала. Знала, что должна делать. Знала, что должна идти. Знала, что должна жить. Не для себя. Не для кого-то. А для них. Для Миры. Для Михеля. Для всех, кого она отпустила. Для всех, кого сохранила. Для всех, кто умер. Для всех, кто ждал её. Она должна была жить. Ради них. Ради себя.

Она шла. И знала. Знала, куда идёт. Знала, что будет. Знала всё. Она вернётся. Она найдёт способ. Она освободит их. Она вернёт их. Она обещала. Она сдержит.

Она - Лири. Дочь Элиаса. Та, кто потеряла всё. Та, у кого никого не осталось. Та, кто выжила. Та, кто победила. Та, кто вернётся.

Она шла. По дороге. По миру. По жизни. И она не остановится. Никогда. До конца. До конца всего.

Дорога уходила вдаль. Пыльная. Серая. Бесконечная. Она вела в никуда. Она вела в неизвестность. Она вела - в мир. В тот самый мир, который Лири не видела двенадцать лет. В тот самый мир, который она не помнила. В тот самый мир, который она - не знала. Но теперь она

его знала. Теперь она его чувствовала. Теперь она его - жила. Она шла. И мир шёл с ней. Рядом. Внутри. Всегда.

ГЛАВА 3: АРХИВ

Лира шла к Академии. За годы обучения она знала дорогу - помнила каждый поворот, каждое дерево, каждый камень. Академия стояла на холме. Белый с золотом замок. Белые башни. Золотые шпили. Просто сад. Он был прекрасен - как и всегда. Как в первый день. Как в первый взгляд. Как в первое чудо. Сады цвели. Фонтаны пели. Статуи улыбались. Всё - как всегда. Всё - живое. Всё - вечное.

Лира не смотрела на него. Не оглядывалась. Не прощалась. Она просто шла. К воротам. К коридорам. К Маркусу.

Она вошла. Медленно. Осторожно. Тихо. Коридоры были пусты. Тёмные. Молчаливые. Она шла по ним, узнавая каждый поворот, каждую трещину в полу, каждую царапину на стенах. Она помнила всё. Каждое мгновение. Каждое слово. Каждый взгляд. Каждое прикосновение. Каждую улыбку. Каждый смех. Каждую слезу. Каждую боль. Каждую надежду. Каждую мечту. Всё, что было. Всё, что она потеряла. Всё, что она сохранила. Всё, что она вернула.

Она нашла его кабинет. Тот самый. Тяжёлая дверь. Тёмное дерево. Медная ручка. Она остановилась. Посмотрела на дверь. Помнила, как впервые вошла в неё. Помнила, как он смотрел на неё. Помнила, как он говорил: «Садись, Лира. Мы должны поговорить». Она помнила всё.

Она подняла руку. Постучала. Три тихих удара. Как он учил её. Не громко. Не требовательно. Просто три лёгких постукивания. Как прикосновение бабочки к стеклу. Как шелест листьев на ветру. Как обещание того, что она здесь. Что она пришла. Что она готова.

Дверь открылась. Маркус стоял на пороге. Он смотрел на неё. Видел её. Всю. Каждую деталь. Каждую чёрточку. Каждую решимость. Он видел всё. И он знал. Знал, что она готова. Знал, что она пришла. Знал, что она скажет. Он ждал этого. И он дождался.

- Ты пришла, - сказал он. Голос был тихим. Спокойным. Живым.

- Я пришла, - сказала Лира. Голос был ровным. Спокойным. Твёрдым. - Я знаю, что делать. Я знаю, как вернуть их. Всех. Кого смогу. Через камень. Через отца. Через жизнь.

Маркус смотрел на неё. Видел её. Всю. Каждую деталь. Каждую чёрточку. Каждую силу. Он видел всё. И он знал. Знал, что она сделает это. Не отступит. Не сдастся. Она - не он. Она - сильнее. Она - лучше. Она - та, кто вернёт. Та, кто освободит. Та, кто жизнь.

- Расскажи мне о белке, - сказал он. - Всё. Как это случилось. Каждую деталь.

Лира рассказала. Всё. О ястребе. О белке. О том, как она умирала. О том, как она держала её. О том, как она наклонилась. О том, как случайно задела камнем. О том, как камень засветился. О том, как белка ожила. Она рассказала всё. Каждую деталь. Каждое мгновение. Каждую секунду.

Маркус слушал. Не перебивал. Не спорил. Не удивлялся. Он просто слушал. Просто понимал. Просто знал. Он знал, что камень отца - не простой камень. Он знал это давно. С тех пор, как впервые увидел его на шее Элиаса. С тех пор, как Элиас сказал ему: «Это не украшение. Это - ключ». Но что это за ключ, от какой двери, куда ведёт - Элиас не сказал. Не успел. Не смог. Его убили раньше.

- Камень, - сказал Маркус. - Я знаю, что это не простой камень. Я знал это всегда. Элиас говорил мне, что он - ключ. Но к чему - он не сказал. Я думаю, ответ здесь. В Академии. В Архиве. Элиас был учёным. Он записывал всё. Если он что-то знал о камне - он это записал. И запись должна быть в Архиве. Мы должны найти её. Мы должны узнать. Всё. Правду.

Лира смотрела на него. Она не понимала. Не могла понять. Не хотела. Но она слушала. Слушала каждое слово. Каждое движение. Каждую правду. Она знала, что он не лгал. Не мог

лгать. Не умел лгать. Он говорил то, что знал. То, что помнил. То, что - боялся. И она верила. Верила ему. Верила в него. Верила всегда.

- Ты не знаешь, что это за камень, - сказала она. Не вопросом. Утверждением.

- Не знаю, - сказал Маркус. - Я знаю только, что Элиас называл его Реверсией. Но что это значит - я не знаю. Я слышал слово. Но не знаю, что за ним стоит. Может быть, в Архиве есть ответ. Может быть, там есть его записи. Может быть, там есть - всё.

Он замолчал. Посмотрел на неё. Потом добавил:

- Я должен был пойти туда раньше. Много лет назад. Но я боялся. Боялся того, что найду. Боялся того, что узнаю. Боялся, что правда окажется хуже, чем незнание. Я был трусом. Я и сейчас трус. Но теперь - теперь я не один. Теперь - с тобой. И это меняет всё.

Лира смотрела на него. Видела его. Всю. Каждую деталь. Каждую чёрточку. Каждую вину. Она видела всё. И она знала. Знала, что он говорит правду. Знала, что он боится. Знала, что он - с ней. И она - она не отступит. Не сдастся. Она пойдёт. В Архив. К правде. К прошлому. К - ответам.

- Мы должны узнать. Всё. Правду. Пойдём в Архив, - сказал Маркус.

Лира смотрела на него. Видела его. Всю. Каждую деталь. Каждую чёрточку. Каждую решимость. Она видела всё. И она знала. Знала, что он прав. Знала, что она должна. Знала, что она пойдёт. Она кивнула. Медленно. Тяжело. С трудом.

Они пошли. По коридорам. Тёмным. Пустым. Молчаливым. Они шли, не говоря ни слова. Не могли. Не хотели. Они просто шли. Шаг за шагом. Ровно. Твёрдо. Уверенно.

Коридоры извивались. Как реки. Как змеи. Как время. Они шли мимо дверей - закрытых, молчаливых. Мимо залов - пустых, тёмных. Мимо окон - высоких, узких. За которыми ночь. Тёмная. Тихая. Живая. Они шли, не оглядываясь. Не могли. Не хотели. Они просто шли. К Архиву. К правде. К прошлому.

Маркус знал дорогу. Он ходил здесь много раз. Когда был учеником. Когда был воином. Когда был убийцей. Он помнил каждый поворот. Каждую трещину в полу. Каждую царапину на стенах. Он помнил всё. Он вёл её. Медленно. Осторожно. Тихо. Он не оглядывался. Не мог. Не хотел. Он просто шёл. К Архиву. К правде. К прошлому.

Лира шла за ним. Смотрела на его спину. На его плечи. На его походку. Она видела, как он идёт. Тяжело. Устало. Виновно. Она знала, что он чувствует. Знала, что он несёт. Знала, что он боится. Но она не сказала ничего. Не могла. Не хотела. Она просто шла. Рядом. Позади. Внутри. Всегда.

Они шли долго. Коридоры сменялись лестницами. Лестницы - переходами. Переходы - снова коридорами. Академия ночью была другой. Не той, что днём. Днём она была живой - шумной, яркой, полной детей. Ночью она была мёртвой - тихой, тёмной, пустой. Как будто сама Академия спала. Или - притворялась спящей. Или - ждала. Ждала, когда они пройдут. Ждала, когда они найдут. Ждала, когда они - узнают.

Лира смотрела на стены. На портреты. На тех, кто жил вечно. На тех, кто питался детьми. Она видела их лица. Спокойные. Улыбающиеся. Довольные. Они смотрели на неё с портретов. Смотрели, как она идёт. Смотрели, как она ищет. Смотрели, как она - живёт. И она - она смотрела на них. В ответ. Долго. Не отводя глаз. Она запоминала. Каждое лицо. Каждое имя. Каждую - смерть. Она запоминала. Потому что придёт время. Придёт время, когда она вернётся. И тогда - тогда они ответят. За всё. За всех. За - каждого.

Архив был в дальнем крыле.

За тяжёлой дубовой дверью. Которую редко открывали. Дверь массивная. С коваными петлями. Покрытыми толстым слоем ржавчины. С резными узорами. Почти стёршимися от времени. Узоры изображали деревья с переплетёнными корнями. Уходящими глубоко в землю. Звёзды, падающие с неба. И фигуры людей, тянущих руки к свету. Как будто они просят о спасении. Как будто они молятся о чуде. Которое никогда не придёт.

Маркус остановился. Посмотрел на дверь. Помнил эту дверь. Помнил, как впервые вошёл в неё. Помнил, как искал здесь. Помнил, как нашёл. Помнил всё. Он поднял руку. Коснулся холодного металла. Холод проник в кожу. В кости. В душу. Он толкнул дверь. Она открылась с тихим скрипом. Звук, который помнится так хорошо. Который возвращает в прошлое. В те дни, когда он был другим человеком. Когда ещё не нёс этот груз. Когда плечи ещё не были согнуты тяжестью вины.

Внутри - полумрак. Только узкие окна под самым потолком пропускают свет. Он падает на пол длинными пыльными полосами. Которые пересекаются с тенями. Создавая причудливый узор. Похожий на решётку клетки. На карту лабиринта. На следы тех, кто был здесь до него. В этом свете танцуют пылинки. Миллионы маленьких искр. Поднимающихся в воздух. Как будто они приветствуют. Как будто знают, зачем пришёл. Как будто были свидетелями всех тайн, хранящихся в этих стенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.